

УДК 821.161.1

**КИНОПОВЕСТЬ О ПУШКИНЕ
В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ
БУЛАТА ОКУДЖАВЫ**

© **Александрова Мария Александровна** (2021), SPIN-код: 2077-3141, ORCID: 0000-0001-5183-9322, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а), nam-s-toboi@mail.ru

Киноповесть Булата Окуджавы «Пушкин в Одессе» (завершена в 1966 г.) рассмотрена в нашей статье как важный этап творческого пути писателя, хотя сам он не считал это произведение своей удачей. Обращение к истории литературной пушкинианы позволяет убедиться в том, что задача воссоздания образа Пушкина в повествовательной прозе и драматургии связана с особыми трудностями (условность лирического языка имеет свои преимущества). С другой стороны, изображение «живого Пушкина», «Пушкина в жизни» всегда порождает чрезвычайно высокие ожидания читателя (зрителя), которые никогда не бывают удовлетворены полностью. В статье показано, как специфичность задачи, стоявшей перед автором киноповести «Пушкин в Одессе», отразилась в критическом отзыве пушкиниста Т.Г. Цявловской, одоблившей замысел, но не его исполнение. В целом значение этого творческого опыта может быть обобщено в следующих положениях: 1) отказавшись от попыток изобразить Пушкина в исторической прозе, Окуджава нашёл путь к воссозданию образов других любимых художников (Толстого, Лермонтова); 2) метод «непрямого» изображения писателя в исторических романах Окуджавы является оригинальным развитием традиции Ю.Н. Тынянова; 3) погружение в биографию Пушкина стало мощным творческим стимулом для Окуджавы-лирика; именно в лирике ему удалось создать образ, адекватный (по убеждению Ю.М. Лотмана) личности великого поэта.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Б.Ш. Окуджава, Ю.Н. Тынянов, Т.Г. Цявловская, киноповесть.

«Пушкин так и просится на страницы художественных произведений: уж очень это по-человечески живая фигура» [Кормилов 2004, 6], однако для повествовательной прозы и драматургии задача воссоздать «живого Пушкина» оказалась более трудной, чем для лирики. Лирическая пушкиниана имеет и свою классику, от Лермонтова до Ахматовой и Цветаевой, и свою высокую поэзию, которая представлена длинным рядом имён (хотя количественное преобладание стихотворной беллетристики неизбежно). Романы, повести и

драмы дают принципиально иную картину. Литературоведы и театроведы уверенно называют единственной удачной пьесой о Пушкине «Последние дни» М.А. Булгакова, но главный герой здесь — лицо внесценическое. «Такой “целомудренный” подход к образу Пушкина» С.И. Кормилов уподобляет лирическому принципу изображения, для которого характерны приёмы умолчания и непрямого слова (эвфемизмы, метафоры, перифразы) [Кормилов 2004, 25]. На недостижимой высоте остаётся трилогия Ю.Н. Тынянова о поэтах; и всё же литературной классикой стали «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара», где образ Пушкина лишь оттеняет центральных героев, в то время как оценки главной книги писателя не единодушны. Одни убеждены, что создать «образ “живого” Пушкина, т.е. Пушкина-поэта, в полной мере удалось только Тынянову» в последнем его романе [Левкович 1967, 166]. Другие считают роман «Пушкин», чья тема «бесконечно трудна уже в замысле» [Шкловский 1983, 30], скорее великим обещанием, нежели свершением¹.

Демократичная атмосфера «оттепели» располагала к формированию тыняновской традиции в художественно-исторической прозе, к разнообразным экспериментам, нарушавшим официальные идеологические и эстетические табу², однако и на новом этапе пушкини-

¹ «...Роман о Пушкине написан прямо с установкой на научные проблемы, на исследование. Отсюда некоторая тяжеловесность, происходящая от *неуверенности в жанре и стиле*. Иной раз кажется, что автор удерживает себя от соблазна или даже от внутренней потребности заговорить научным языком — сопоставить материал, выдвинуть гипотезу, вступить в полемику, привести всякого рода доказательства и пр. Так обстоит дело, например, с гипотезой о том, что “безыменной” северной любовью юного Пушкина была Е.А. Карамзина, жена писателя. Характерно, что гипотеза эта изложена в особой статье (“Безыменная любовь”), — и надо сказать, что для полного понимания третьей части романа (где Пушкин прощается с Карамзиной и едет в Крым) необходимо прочитать эту статью с анализом элегии “Погасло дневное светило”. При сопоставлении со статьёй эти главы романа кажутся более бедными, лишёнными той научной остроты, которая есть в статье. И это не единственный случай» [Эйхенбаум 1983, 222]. Курсив в цитатах здесь и далее мой (М.А.).

² Показательно, что в 1960-е годы к эпатажному сочинению Б.Е. Иванова «Даль свободного романа» (1959) в академической среде

ана сильна прежде всего лирикой. В творчестве Окуджавы эта коллизия особенно наглядна.

Писатель говорил о своём долгом пути к Пушкину: «Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, в 40 лет. Хотя читал его с детства и думал, что люблю. Но именно думал. Оказалось, что я его не знал, не понимал, а просто участвовал в общем хоре. А в сорок лет я почувствовал Пушкина и стал перечитывать его другими глазами» [Окуджава 1997, 18]. По времени это совпадает с началом работы над сценарием (киноповестью) «Частная жизнь Александра Сергеича, или Пушкин в Одессе». Авторский жанровый подзаголовок точен: сценарий не является пьесой для кино (Окуджава всегда подчёркивал, что склад его мышления не драматургический), композиция определяется сочетанием диалогов с описанием и повествованием. Публикаторы машинописного текста, сохранившегося в архиве Одесской киностудии [Окуджава – Арцимович 2001, 252–323], располагают двумя его редакциями: первая датируется 1963-м, вторая 1966-м г.³. Таким образом, сценарий можно считать вступлением к окуджавской пушкиниане; другие произведения о Пушкине (за вычетом двух ранних, отвергнутых, «забытых» самим автором стихотворных текстов) ещё не были написаны. Только стихи «Берегите нас, поэтов...» (1960–1961) и «Поэтов травили, ловили...» (1960–1961) примыкают к пушкинской теме; ещё впереди «Былое нельзя воротить...» (1964), «Александр Сергеич» (1966), «Счастливчик Пушкин» (1967)... Очевидно, что погружение в биографию Пушкина стало мощным творческим стимулом для Окуджавы-лирика, но свою кинопрозу он признал неудачей. Тридцать лет спустя писатель вспоминал, что только в ходе работы пришло осознание трудности задачи: «Я жил в Одессе, читал о пребывании Пушкина в Одессе, и мне пришло в голову написать об этом периоде. И мы с женой как-то очень легко написали этот сценарий. Но когда дописали до конца, я увидел, что там половина – обыкновенная хрестоматия. Начали переделывать. Хотелось показать Пушкина не бронзовым и гранит-

отнеслись сравнительно мягко [Левкович 1967, 144–149], а позднее негодование обрушилось и на беллетриста, и на автора статьи, признавшего за романом некоторые достоинства [Кунин 1983, 229–230].

³ Ранний текст датирован 1963-м г. «со слов Ольги Мелинчук, в семейном архиве которой хранится первый вариант сценария» [Мельниченко 2001, 256–257].

ным, а обыкновенным человеком, страдающим, и колким, и насмешливым, и ироничным, и ранящим, и ранимым, *насколько это было возможно*» [Окуджава 1995, 43].

Т.Г. Цявловская, рецензировавшая «Частную жизнь Александра Сергеевича...» для художественного совета киностудии, решительно возражала против «обывательской» концепции образа поэта, но оценила «очень хорошую общую идею», выразив её строкой самого Окуджавы: «Берегите нас, поэтов, берегите нас»⁴. Отмечая, что в сценарии реализованы некоторые тыняновские приёмы освещения жизни поэта, Т.Г. Цявловская припомнила – в назидание автору – и отказ Булгакова от непосредственного изображения Пушкина. Благодаря этой параллели резюмирующая часть отзыва воспринимается как невольное признание того факта, что с произведением о Пушкине всегда связаны слишком высокие читательские (зрительские) ожидания: «Литературная талантливость Б. Окуджавы бесспорна. Знание им источников биографии Пушкина не вызывает сомнений. Проза его прекрасна. Всё изложение происходящего на экране, пейзажи, фигуры людей, их взаимоотношения, тональность их речи написаны хорошо. Авторская речь окрашена лиризмом. Для каждого персонажа в тексте автора – особая манера, освещающая образ изнутри. Но всё это – второстепенно. Главное, чего ждёшь от сценария о Пушкине – это образа великого поэта, поражающего даже современников гениальным умом. Это не получилось» (цит. по: [Шилов 1999, 274]). Весной 1967 г., когда Окуджава встретился с Т.Г. Цявловской и получил из её рук процитированный отзыв, он уже перерос свой опыт и смотрел на него с новой творческой высоты – куда более строго, чем рецензент-пушкинист: «Он прочёл его <сценарий> через полгода после сдачи и ужаснулся. <...> На мои протесты, что у авторов бывают моменты разочарования, он сказал: “Нет, это совершенно трезвая оценка”» (цит. по: [Шилов 1999, 275]).

В 1995 г. Окуджава высказался спокойно и веско: «Это – не открытие. Это заурядный сценарий, грамотно написанный, вот и всё» [Окуджава 1995, 45]. Творческая цель, которой не удалось достичь средствами кинопрозы, раскрывается в эмоциональном отклике поэта на мультипликационные фильмы Андрея Хржановского, где

⁴ Рецензия Т.Г. Цявловской и фрагменты писем, отразившие её впечатления о сценарии и знакомстве с Окуджавой воспроизведены в публикации: [Шилов 1999, 259–279].

ожили пушкинские рисунки: «Это потрясающе. Я лишний раз убедился в том, что наш Пушкин не просто нами выдуман» [Окуджава 1995, 44]. Вероятно, в надежде на появление режиссёра, способного, преодолев несовершенство сценария, воплотить саму его идею, Окуджава согласился напечатать давнюю работу с небольшой правкой [Окуджава–Арцимович 1995, 46–81]. Между тем потенциал написанного выявил именно автор. Герой стихотворения «Счастливчик Пушкин» (1966), которого Ю.М. Лотман признал конгениальным личности Пушкина [1997, 347–348], связан со сценарным *Александром Сергеевичем* не только через исторический прототип, но и преемственно; недаром точка отсчёта в рассказе о его судьбе – Одесса: «Жил в Одессе, бывал в Крыму...» [Окуджава 2001, 302]⁵.

Вопрос о месте несовершенного, но истинно творческого опыта в писательской эволюции Окуджавы поставил К.В. Шилов: «Тот первый приход к Пушкину в его прозе оказался, в общем-то, лобовой атакой, смелой “пристрелкой”. Его стремительное развитие нуждалось в мощной корректировке Пушкиным, в современных уроках историзма, в доскональном постижении той эпохи, в которой будут “путешествовать дилетанты”, произойдёт “Свидание с Бонапартом”» [Шилов 2004, 190]. Не менее важна другая сторона этой переходной ситуации. При выборе ракурса изображения Пушкина Окуджава естественным образом ориентировался на принцип, который сам Пушкин и сформулировал: знакомить с великими людьми прошлого «современно», «домашним образом» [Пушкин 1958, 529]. Когда «лёгкость» подобного решения («как-то очень легко написали этот сценарий» [Окуджава 1995, 43]) оказалась иллюзорной, разочарование в своём опыте совместилось, очевидно, с рефлексией о тайне пушкинского творчества, о недостижимости олицетворённого в Пушкине идеала.

В своей лирической пушкиниане Окуджава сумел «перевести» пушкинские образы на новый поэтический язык, что и стало своеобразным открытием классика для современности. Героем окуджавской лирики Пушкин останется навсегда, но второй попытки изобразить любимого поэта в прозе сделано не будет. В то время как «ни один советский роман, ни одна повесть о деятелях отечественной культуры первой половины XIX века не обходится без образа Пуш-

⁵ См. об этом подробно: [Александрова 2019, 163–174].

кина» [Кунин 1983, 223], в исторических романах Окуджавы («Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом») даже на периферии системы персонажей Пушкин не появится. Отталкиваясь от неудачного опыта, писатель нашёл путь к созданию образов других любимых художников. Его поиск пришёлся на тот период, когда изображение писателя в качестве «героя времени» стало привычным для исторической прозы, а внутри прозы историко-биографической выделилась особая «писательская» разновидность.

К середине 1970-х гг. обозначились проблемы, побудившие Я.А. Гордина задаться вопросом: «Возможен ли роман о писателе?» Рассмотрев романы и повести, изданные за предшествующее десятилетие, литературный критик пришёл к выводу о кризисе жанра: воссоздать художественным способом творческий процесс невозможно, беллетристический «пересказ» эпистолярного и публицистического наследия писателя ведёт к упрощению его идей, а сугубо биографический подход делает бессмысленным само избрание в герои творческой личности. По мысли Я.А. Гордина, ориентиром для современного автора может стать недооценённое открытие Ю.Н. Тынянова – приём «непрямого изображения» [Гордин 1975, 203] в «Смерти Вазир-Мухтара» главного дела поэта, который по-этом быть перестал. Очевидно, что верно понятый тыняновский принцип не только не связывает художника подражанием образцу, но и становится предпосылкой самобытных творческих решений.

Среди правомочных наследников Ю.Н. Тынянова (при этом совершенно на него не похожих) Я.А. Гордин называет Окуджаву: в повести «Мерси, или похождения Шипова» (1971)⁶ «приём непрямого изображения доведён до крайности. Кажется, ещё один шаг – и можно будет вообще обойтись без графа Льва Николаевича Толстого, эпизод из жизни которого и есть сюжетный стержень повести. Однако нет. Без Толстого повести не было бы. <...> Ибо вся фантазмагория, безумная пляска тайных агентов, жандармских полковников, соблазнительных вдов приобретает смысл и прочно закрепляется в историческом времени только потому, что пляшут все эти существа вокруг Толстого. <...> Толстой показан в системе кривых

⁶ В статье приведён журнальный вариант заглавия повести; в книжном издании она называется «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» (1975).

зеркал»; но «строки из писем Толстого – редкие островки смысла в разбушевавшемся океане вздора»; «сила и спокойствие этих ясных человеческих строк пронизывают повесть, <...> образуют твёрдую структуру. <...> Важно то, что сам факт и характер существования этого человека выводят из равновесия политическую жизнь империи. А ведь это ещё молодой Толстой. Толстой 1862 года» [Гордин 1975, 204]. «Непрямое изображение» подлинного героя повести оказалось наиболее адекватно сквозной теме творчества Окуджава: художник, призванный гармонизировать мир, поневоле обречён на «бунтарство с мытарством» [Окуджава 2001, 208].

Кульминация в развитии темы художника – роман «Путешествие дилетантов» (1971–1977). Главной преодоленной трудностью стало создание образа Лермонтова «по законам вечной прозы» [Окуджава 2001, 336] и в свете идеала. Приёмы «непрямого изображения» здесь менее парадоксальны, чем в повести о Толстом, но столь же необходимо выводятся из проблематики. Важным этапом на пути к этому творческому достижению был опыт киноповести о Пушкине.

Источники

- Лотман 2006** – Лотман Ю.М. *Письма: 1940–1993*. М., 2006.
- Окуджава – Арцимович 1995** – Окуджава Б., Арцимович О. *Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе* // Киносценарии. 1995. № 4. С. 46–81.
- Окуджава 1995** – Окуджава Б. [Интервью] / Беседовала Н. Ильинская // Киносценарии. 1995. № 4. С. 43–45.
- Окуджава 1997** – Булат Окуджава: Спец. вып. [Лит. газ.]. 1997. [21 июля].
- Окуджава 2001** – Окуджава Б.Ш. *Стихотворения*. СПб., 2001.
- Окуджава–Арцимович 2001** – Окуджава Б., Арцимович О. *Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе: Киноповесть* // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публикаций / Одесский литературный музей. Вып. II. Одесса, 2001. С. 252–323.
- Пушкин 1958** – Пушкин А.С. *О романах Вальтера Скотта* // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. VII. М., 1958. С. 529.
- Шилов 1999** – Шилов К.В. «Найти мудрое решение»: Некоторые кинематографические подходы к образу Пушкина в 1960-е годы в оценках Т.Г. Цвяловской (из писем пушкиниста) // Киноведческие записки. № 42. 1999. С. 259–279.
- Шилов 2004** – Шилов К. Татьяна Григорьевна, Александр Сергеевич и Булат Шалвович: Воспоминание об одной встрече // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате. 2-е изд., испр. и доп. Ниж. Новгород, 2004. С. 183–192.

Шкловский 1983 – Шкловский В. *Город нашей юности* // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983. С. 5–37.

Эйхенбаум 1983 – Эйхенбаум Б. М. *Творчество Ю. Тынянова* // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. М., 1983. С. 210–233.

Литература

Александрова 2019 – Александрова М.А. *Стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик Пушкин» в системе контекстов* // Болдинские чтения. Ниж. Новгород, 2019. С. 163–174.

Гордин 1975 – Гордин Я.А. *Возможен ли роман о писателе?* // Вопр. лит. 1975. № 9. С. 203–205.

Кормилов 2004 – Кормилов С.И. *«Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема* // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков. Псков, 2004. С. 5–32.

Кунин 1983 – Кунин В.В. *Пушкин – литературный герой* // России первая любовь. Повести и рассказы о Пушкине. М., 1983. С. 218–233.

Левкович 1967 – Левкович Я.Л. *Пушкин в советской художественной прозе и драматургии* // Пушкин: Исследования и материалы. Т. V. Л., 1967. С. 140–178.

Мельниченко 2001 – Мельниченко Л.А. *История невостребованного сценария (Б. Окуджавы «Частная жизнь Александра Сергеевича»)* // Дом князя Гагарина: Сб. статей и публикаций / Одесский литературный музей. Вып. II. Одесса, 2001. С. 252–258.

A FILM SCRIPT ON PUSHKIN IN THE CONTEXT OF BULAT OKUDZHAVA'S CREATIVE PATH

© **Alexandrova Maria Alexandrovna** (2021), SPIN-code: 2077-3141, ORCID: 0000-0001-5183-9322, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN), The International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification (31a, Minina St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia), nam-s-toboi@mail.ru

We regard the film script of Bulat Okudzhava's "Privacy of Alexander Sergeich, or Pushkin in Odessa" (completed in 1966) as an important stage in the writer's career, although he did not consider this work to be a successful one. Reference to the history of Pushkiniana allows concluding that the task of recreating the image of Pushkin in prose and drama is associated with particular difficulties (conventionality of the lyric language has its advantages). On the other hand, the depiction of "a real-life Pushkin" always produces extremely high expectations of the reader (viewer), which are never fully satisfied. The article shows how the specific nature of the task (which the author of the film story "Pushkin in Odessa" faced) was reflected in the

critical review of T.G. Tsiavlovskaya, who approved the idea but not its implementation. In general, the significance of this creative experience can be summarized in the following theses: 1) having abandoned attempts to portray Pushkin in historical prose, Okudzhava found a way to recreate the images of other favorite writers (Tolstoy, Lermontov); 2) the method of “indirect” representation of writers in Okudzhava’s historical novels can be regarded as a development of the tradition of Yu.N. Tynyanov; 3) immersion in the biography of Pushkin became a powerful creative challenge for Okudzhava as a poet; it was in the lyrics that allowed him to create an image that was adequate (according to Yu.M. Lotman) to the personality of the great poet.

Keywords: Pushkin, Okudzhava, Tynyanov, Tsyavlovskaya, Pushkiniana, film script.

References

Articles from Scientific Journals

Гордин 1975 – Gordin Ya. *Vozmozhen li roman o pisatele?* [Is a novel about a writer possible?]. In: *Voprosy literatury* [Literature Questions], 1975, № 9, pp. 203–205. (In Russian).

Левкович 1967 – Levkovich Ya. *Pushkin v sovetskoy khudozhestvennoy proze i dramaturgii* [Pushkin in Soviet prose and drama]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: research and materials], Vol. V, Leningrad, 1967, pp. 140–178. (In Russian).

Articles from Proceedings and Collections of Research Papers

Александрова 2019 – Aleksandrova M. *Stikhotvoreniye Bulata Okudzhavy “Schastlivchik Pushkin” v sisteme kontekstov* [Okudzhava’s poem “Happy Pushkin” in different contexts]. In: *Boldinskiye chteniya* [The Boldino Readings]. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 163–174. (In Russian).

Кормилов 2004 – Kormilov S. *“Belletristicheskaya pushkiniana” kak nauchnaya problema* [Fiction Pushkiniana as a Scientific Problem]. In: *Belletristicheskaya pushkiniana XIX–XXI vekov* [Pushkin in fiction (XIX–XXI centuries)]. Pskov, 2004, pp. 5–32. (In Russian).

Кунин 1983 – Kunin V. *Pushkin – literaturnyy geroy* [Pushkin as a literary hero]. In: *Rossii pervaya lyubov’. Povesti i rasskazy o Pushkine* [Russia’s first love. Novels and short stories about Pushkin]. Moscow, 1983, pp. 218–233. (In Russian).

Мельниченко 2001 – Mel’nichenko L. *Istoriya nevostrebovannogo stsenariya (B. Okudzhava. “Chastnaya zhizn’ Aleksandra Sergeicha”)* [Unsuitable script (B. Okudzhava. Privacy of Alexander Sergeich)]. In: *Dom knyazya Gagarina: Sbornik statey i publikatsiy* [House of Prince Gagarin: Collection of articles and publications]. Iss. II. Odessa, 2001, pp. 252–258. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.02.2021